

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.

Полугодовое 4 . 50 к.

Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

Его Императорское Величество соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Декабря 30-го дня 1852 года. Переводятся: по Пехотѣ. Дагестанскаго Пехотнаго полка: Штабъ-Капитанъ **ВОЛКОВЪ**, Поручикъ **КОВАЛЕВСКІЙ**, — оба въ Анжеронскій Пехотный и Подпоручикъ **ИТЕНКИНЪ**, въ Егерскій Генераль-Адъютанта Князя Чернышева — полки. Умершій исключается изъ списковъ. По Пехотѣ. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полка Капитанъ **АПРЯЛЕВЪ**, отъ полученной въ дѣлѣ съ горами раны.

ТИФЛИСЪ.

Во исполненіе именнаго Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго въ 5-й день ноября 1852 года Святѣйшему Правительствующему Синоду, о передаче въ гражданское ведомство населенныхъ и не населенныхъ церковныхъ имѣній въ Грузіи, для пріема этихъ имѣній и временнаго управленія ими, учреждена по распоряженію Его Святлости Господина Намѣстника Кавказскаго, Комиссія, которая 18-го января 1853 года открыта и помѣщается 1 части 2 квартала города Тифлиса, въ домѣ Надворнаго Советника Бѣлаго.

Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества имѣетъ честь при-

ФЕЛЬТОНЪ.

Въ III книжкѣ Вѣстника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на 1852 г., помѣщено весьма любопытное письмо Д.—Чл. Общества М. А. Гамазова отъ 12/24 марта 1852 г., изъ Сузы, читанное въ общемъ собраніи Общества 24-мая т. г., «объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Сузѣ, въ началѣ 1852 г.» Открытія эти и въ особенности найденныя на камняхъ надписи ясно доказали, что древняя Суза, упоминаемая въ Библии, — какъ местопребываніе первыхъ царей персидскихъ, — находилась именно въ этомъ мѣстѣ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, приурочивавшихъ ее къ другой мѣстности. Къ подробному описанію сдѣланныхъ открытій, г. Гамазовъ приложилъ нѣсколько рисунковъ, которые политипажными оттиснуты при самой статьѣ.

Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, старинный знакомый г. Гамазова по Египту, получилъ недавно отъ него письмо, начатое имъ нѣсколькими днями раньше напечатаннаго въ Вѣстникѣ и оконченное чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поздне. Письмо это заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о странствіяхъ г. Гамазова во внутренней Азій, въ составъ Россійско-Ан-

гласить гг. Членовъ своихъ въ собраніе свое, 27 числа сего Января, во вторникъ, въ 1 часть по полудни, имѣющее быть въ домѣ Покровителя Отдѣла, Князя М. С. Воронцова.

Въ ономъ прочтется Отчетъ о дѣйствіяхъ Отдѣла за истекшій 1852 годъ и еще одна или двѣ статьи ученаго содержанія, если позволятъ время.

Вѣсти изъ Ставрополя.

Нашъ городъ, въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ своего существованія, представляетъ такой рядъ полезныхъ устройствъ и улучшеній, что мы невольно изумляемся, смотря на это новое и приномивая, что было прежде. Новолы къ такому сравненію находимъ на каждомъ шагѣ: войдемъ ли въ храмы Божіи — или вновь созданные, или блистающіе новыми украшеніями; гуляемъ ли въ *Воронцовскомъ* саду съ его роскошнымъ разсадникомъ, или по широкой новой аллѣе бульвара *Заводскаго*, гдѣ едва посаженные деревья лѣтомъ имѣютъ уже тѣнь; прогуливаемся ли въ тутовомъ саду, куда влечетъ насъ любопытство посмотреть воспитаніе шелковичныхъ червей и рѣзмотку шелка, или захотимъ взглянуть на обширную базарную площадь, недавно вѣвъ базарныхъ дней пустую и безлюдную, а теперь кипиющую народомъ, уже съ трехъ сторонъ обставленную прекрасными зданіями; ту площадь, гдѣ некогда былъ татарскій базаръ — мѣсто столь же дикое, какъ

гійской Демаркаціонной Комиссіи по разграниченію Турціи съ Персією. Отрывки изъ этого письма намъ позволено помѣстить въ нашей газетѣ, — и мы съ удовольствіемъ побѣждаемъ сообщить ихъ здѣсь нашимъ читателямъ, надѣясь, что они прочтутъ ихъ тѣмъ съ большимъ интересомъ, что г. Гамазовъ, по отцу своему, есть здѣшній туземецъ, имѣетъ здѣсь довольно родственниковъ и много старыхъ знакомыхъ, въ письмѣ своемъ съ такою теплотою души говоритъ о Тифлисѣ, — здѣсь началъ онъ свою службу (въ Кавказскомъ Санерномъ Баталіонѣ), здѣсь началъ учиться Восточнымъ языкамъ, отсюда поступилъ въ Институтъ восточныхъ языковъ въ Сиб. и перешелъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Вотъ письмо г. Гамазова.

Суза 3 марта 1852.

... Больше, чѣмъ когда-либо, я живу теперь въ прошедшемъ — и поздній привѣтъ мой шлю вамъ чуть не съ того свѣта. Къ этому настроенію меня особенно знаменитыя нѣкогда мѣста — развалины библейскаго міра, посреди которыхъ влѣчусь я съ января 1849 года, и потому безпрестанно, едва ли не ежеминутно, перевертываю калейдоскопъ моихъ воспоминаній, въ которыхъ три мои египетскіе года всегда ложатся прелюбыми узорами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумеется, неразлучны и вы.

и привозившіе сюда свои произведенія пароды; словомъ вамъ встрѣчаются вездѣ плоды самой горячей непочительности нашего высшаго начальства. Все это мы весьма глубоко чувствовали на открытіи Губернской Публичной Библиотеки и на Актѣ въ здѣшней Губернской Гимназіи, происходившихъ 29 и 30 декабря, тѣмъ болѣе, что Гимназія за нѣсколько лѣтъ назадъ имѣла довольно жалкое помѣщеніе, — съ настоящими просторными ея залами неизмѣнное никакого сравненія; лѣстницы были изъ рукъ вонъ дурны, между тѣмъ какъ теперь вы входите по удобнымъ чистымъ лѣстницамъ, установленнымъ коврами, и что всего лучше — слушаете обѣдно въ прекрасной Гимназической церкви, своды которой оглашаются стройнымъ хоромъ воспитанниковъ заведенія. Мы представляемъ вѣтшность, не касаясь внутренняго устройства Гимназіи потому, что объ актѣ ея ужъ говорили. Цельъ наша обратить вниманіе читателя на открытіе Библиотеки, какъ на такое событіе, которое въ глазахъ нашихъ должно возбуждать сильное сочувствіе публики.

Еще въ 1850 году, г. Гражданскій Губернаторъ Волонкой, съ соизволенія г. Управляющаго Гражданскою частью въ Ставропольской губерніи Заводскаго, въ видахъ доставленія бѣднымъ чиновникамъ и другимъ недостаточнымъ людямъ средствъ къ образованію и всѣмъ вообще здѣшнимъ жителямъ пріятнаго развлеченія въ свободное отъ занятій время, началъ заботиться объ устройствѣ въ Ставрополь Пу-

Службыныя занятія, особенно въ первые два года по моемъ возвращеніи изъ Египта въ Константинополь, когда нашей братні, драгомановъ, при Посольствѣ было не много, — при безпрестанныхъ развлеченіяхъ, суматохахъ, пріятныхъ случайностяхъ Босфорской жизни, — поглощали все мое время. Потомъ — поѣздка въ Грецію, потомъ въ Петербургъ, гдѣ наконецъ послѣ 9 лѣтъ удалось мнѣ, въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, подышать роднымъ воздухомъ въ кругу семейства, и наконецъ послѣдній мой скачокъ въ Азію. — Вотъ, чѣмъ бы я хотѣлъ извинить мое долгое молчаніе!

Не возможно дать вамъ подробнаго отчета о нашей продолжительной кочевой жизни. Безпрестанное трехлѣтнее передвиженіе перетаскало меня по безчисленнымъ точкамъ Турціи и Персіи, иногда заводя насъ по нѣскольку разъ въ одно и то же мѣсто, удерживая не недѣлями, иногда по нѣлымъ — мѣсяцамъ, то въ городахъ и селахъ, едина извѣстныхъ міру, — то въ невѣроятныхъ, неслыханныхъ захолустьяхъ. Постоянно въ палаткѣ, и зимою и лѣтомъ, и кромѣ тогошаго общества добрыхъ спутниковъ — ничего кругомъ. Насъ всего египетцевъ 10 человекъ, но и тѣ по большей части всегда въ разбродѣ. Вамъ извѣстенъ мусульманскій міръ: много наглой лести и лжи, много надменности и невеже-

бличной Библиотеки. Для этого нужно было собрать некоторыя предварительныя свидѣнія, придумать средства для осуществленія и расположить тѣхъ, кто могъ быть болѣе полезенъ въ этомъ дѣлѣ. Все это наконецъ достигнуто какъ нельзя болѣе, для Библиотеки назначенъ казенный домъ, гдѣ помѣщалась прежде Строительная и Дорожная Коммисія и 29-го декабря, по приглашенію г. Губернатора, въ этотъ заново-отдѣланный домъ, собралось все лучшее общество города. Открытіе освящено молебствіемъ, совершеннымъ соборомъ Архимандритомъ Іоанникіемъ; послѣ чего Господинъ Гражданскій Губернаторъ, сообщивъ присутствующимъ о полученномъ отъ Г. Управляющаго Гражданскою частію разрѣшеніи Его Свѣтлости Князя Намѣстника на открытіе Публичной Библиотеки, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой выразилъ благодарность лицамъ, своими пожертвованіями помогшимъ устройству Библиотеки. Рѣчь свою онъ окончилъ слѣдующими словами:

«Въ заключеніе имѣю честь сообщить, что по нынѣшнее число Ставропольская Публичная Библиотека имѣетъ приобретенныхъ покупкою 481 томъ; пожертвованныхъ разными лицами 35 томовъ и ожидаются изъ С. Петербурга отъ книгопродавца Юнгмейстера до 240 томовъ, за которые деньги уже уплачены, что составитъ всего около 730 томовъ.»

Для составленія на будущее время постояннаго дохода Публичной Библиотеки, кромѣ добровольныхъ пожертвованій, принято правило, по примѣру Библиотекъ Севастопольской Морской-Офицерской и Публичной Керченской, чтобы дѣйствительныя члены библиотеки вносили состоящія на службѣ по 1% изъ получаемаго ими жалованья, а купцы и другія частныя лица по 7 руб. сереб. въ годъ.

Это новое учрежденіе принято публикою съ живѣйшимъ участіемъ: многіе тутъ же изъявили желаніе быть дѣйствительными членами Библиотеки и некоторыя сдѣлали значительныя пожертвованія—денежныя и книгами, такъ что все предвѣщаетъ заведенію успѣхъ несомнѣнный.

Открытіе Библиотеки заключилось завтракомъ, предложеннымъ Его Превосходительствомъ Волочкимъ. Радужный гостиницъ съ заботливостію угощала дорогихъ гостей и беседа была необыкновенно оживленная; при этомъ предложенны были и съ восторгомъ выныты, всегда дра-

гошныя для русскаго сердца тосты за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, сопровождаемыя громкими криками ура! За тѣмъ слѣдовали тосты въ честь Его Свѣтлости Князя Намѣстника Кавказскаго, равно Его Превосходительства Николая Степановича Завадовскаго, и послѣ того гости присутствовали тостомъ хозяина. Все было отъ души признательно ему за это благодатное стремленіе къ общественной пользѣ, за эти незабвенныя минуты радости, которую каждый изъ присутствующихъ втроятно раздѣлялъ съ нимъ, дѣлаясь какъ-бы участникомъ совершенія столь, въ сущности, важнаго дѣла.

Народныя пѣсни Арменіи.

(Статья Эд. Дюлорье.)

II

(Продолженіе)

Армянская народная поэзія вмѣщала въ себя три рода, различавшіяся между собою или сущностью предмета, которому каждый изъ нихъ былъ присвоенъ, или особеннымъ разнообразіемъ размѣра или метра. Выраженія, которыми Моисей Хоренскій обозначаетъ эти три категоріи пѣсеней, слишкомъ темны, и можно догадываться, что уже въ его время онъ имѣлъ не болѣе, какъ обветшалое значеніе. Уяснить ихъ можно не иначе, какъ съ помощью филологическаго комментарія, который не можетъ имѣть здѣсь мѣста и изъ котораго ограничусь выпискою только главныхъ выводовъ. Пѣсни, именуемыя *Іергъ* (†) *Вунасанацъ* или *историческія*, имѣли назначеніемъ своимъ, какъ самое имя ихъ указываетъ, восхвалять дѣянія и лица дѣйствительныя, не отвергая между тѣмъ и вымысла,—точно такъ же, какъ эпопея и трагедія, образецъ которыхъ оставили намъ древніе, въ основаніи своемъ имѣли фактъ, въ сущности дѣйствительный, но представленный въ размѣрѣ увеличенномъ или украшенномъ воображеніемъ поэта. Эти пѣсни преимущественно посвящены были преданіямъ эпическимъ и должны были имѣть некоторое сходство съ рыцарскими *романсами* Испаніи или героическими балладами Сербіи. Чтобы понять, что такое были *Іергъ Тавельцъ* или *численныя пѣсни*, т. е. *пѣсни метрическія*, необходимо припом-

(†) Въ этомъ словѣ букву *г* слѣдуетъ произносить какъ латинское *g*.

нить все сказанное нами о *Историческія* или собраніи гимновъ армянскихъ. Мы старались по характеру содержащихся въ этой книгѣ пѣсней, составить идею о томъ, чѣмъ была,—съ точки зрѣнія эстетической,—народная поэзія языческой Арменіи. Тоже собраніе можетъ руководить насъ въ догадкахъ и насчетъ образованія и сложенія этой первобытной поэзіи. Точкой отправленія ея, кажется, была мѣрная тоническая проза. Въ послѣдствіи проза эта разбилась на стихи или строки съ опредѣленнымъ числомъ слоговъ; слоги эти, въ свою очередь, раздѣлены были на стопы или размѣры; наконецъ, около XI вѣка, введена была въ нихъ рима. *Шараканъ* представляетъ намъ пѣсню, принадлежащую къ этимъ различнымъ ролямъ сочиненій и въ приспосабливѣннѣ къ пѣвню, или лучше сказать—къ нѣкотораго рода речитативу. *Іергъ Тавельцъ* могли быть произведеніями, верификація которыхъ основывалась на числѣ слоговъ, а, быть можетъ, также на раздѣленіи этихъ слоговъ на стопы, въ отличіе отъ пѣсеней, состоявшихъ изъ мѣрной прозы и бывшихъ, безспорно, древнѣйшими изъ всѣхъ.

Далѣе, въ третьихъ были *Іергъ Банцъ* или *Іергаранкъ Банаворкъ*, слово въ слово—пѣсни разума, *chants de raison* (†). Это наименованіе ведетъ къ мысли, что аллегорія была изгнана изъ нихъ, что ткань ихъ была простая и естественная и что въ основѣ ихъ лежала мысль правдивая. Моисей Хоренскій приводитъ легенду, ходившую насчетъ нѣкоего Торка, котораго царь Валарсакъ сдѣлалъ правителемъ странъ западныхъ и котораго сравнивали, по его высокому росту и необычайной силѣ, съ знаменитымъ героемъ басней Персеи, Русеюмомъ, могшему противостать ста-двадцати слонамъ. Армянскій писатель замѣчаетъ по этому поводу, что влѣдствіе дурно понятой мысли, восхваляли Торка въ одной думѣ, въ которой сила и храбрость его превозносились до небесъ. Очевидно, что онъ хотѣлъ представить въ контрастѣ положительное или правдивое направленіе этого рода пѣсеней и баснословный характеръ подвиговъ Торка, и показать несообразность приложенія этого рода къ подобному предмету.

Намъ остается пробѣжать книгу этого историка и разбирать отрывки внесенныхъ въ нее

(†) По строгому смыслу, армянское названіе *Іергаранкъ Банаворкъ* ближе всего соотвѣтствуетъ малороссійскому слову: *Думы*. Примѣч. редакція.

ства, ребяческихъ понятій о пещахъ и никакаго преданія объ уметвенныхъ успѣхахъ мыслящаго міра,—отсутствіе женской оживительной бесѣды—это въ городахъ;—а что: сказать о пустыняхъ, гдѣ дичина могла занимать развѣ тѣхъ изъ насъ, которые одарены ширкою охотой? Такъ-то блуждали мы, то въ безвыходныхъ лабиринтахъ горъ, то посреди безграничной пустыни, то барахтались въ снѣгу или грязи, то задыхались жгучимъ вѣтромъ. Правда, видѣли мы много любопытныхъ вѣтъ древняго міра, освѣщенныхъ громко-историческими воспоминаніями; такъ посѣтили мы развалины Вавилона, Ктезифона и Селевкии, Персеполиса, Сузы, гробъ Гира, видѣли изображенія на скалахъ Шапура, Бисутуна, ТакиБустана, Холвана,—видѣли города: Самсуль, Амасію, Товатъ, Джезирей, Ибни-Омаръ, Харпуть, Малатію, Діарбекіръ, Мардинъ, Низибинъ, Мосуль, Багдадъ, Басру, Буширъ, Казеруйъ, Ширазь, Шуестеръ, Дизфуль, Хоувизу, Буруджирдъ, Хуррем-абадъ, Хунсоръ, Испаганъ, Хамаданъ, Кенговеръ, Керманшахъ, Сенѣ и бездну мелкихъ городковъ; тамъ любовались остатками чудесныхъ построекъ Сельджукидовъ, далѣе—римскими развалинами Дары; тутъ, у Мосула, спустились въ раскопы Нишеви и Нимруда и въ холмахъ Сузы присутствовали при ихъ вскрытіи, произведенномъ англичанами, и при появленіи на свѣтъ Божій остатковъ великолѣпныхъ храмовъ Артаксерсовъ и Даріевъ, которыхъ имена разобраны были натуралистомъ Лофтусомъ въ гвоздеобразныхъ надпи-

скахъ, покрывающихъ pedestalsъ громадныхъ колоннъ. Гробница Давида смотритъ теперь на меня съ подошвы большаго холма, на которомъ разбитъ нашъ лагерь. Природа и мѣстность чудесная: вдали г. Дизфуль и Лурнстанскія горы,—впередѣ серебрится широкая Керха посреди густой зелени,—тамъ и здѣсь, въ твои пальмы, облюбовъ куполы мусульманскихъ минаретиковъ. Я утѣренъ, что вы теперь мнѣ завидуете. Но если бы вы знали, сколько мы перенесли бедствій, сколько намъ стоило созерцаніе всѣхъ этихъ диковицъ и какъ часто мы были на волосѣ отъ гибели! На примѣръ, въ Багдадѣ, гдѣ, во время нашего пребыванія, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, унесено было 10 т. народа зюкачественными лихорадками! Здѣсь, отъ невыносимаго солнца и самума (до 42° реом. въ тѣни), когда все вокругъ насъ раскалялось до такой степени, что ни къ чему нельзя было прикоснуться, и когда желудокъ по мѣсяцамъ не принималъ самой скудной пищи. Тутъ, отъ непогоды въ опасныхъ водахъ Персидскаго залива, то на корабляхъ, то на легонькой гичкѣ! А ночные походы въ безграничныхъ пустыняхъ, съ безмысленными арабскими проводниками, заставлявшихъ иногда наши караваны по цѣлымъ часамъ кружиться около одного центра! А горныя головоломныя тропинки надъ пропастями! . . . Но всего не перечтешь. Благодаря Бога, большая часть этихъ чудовищъ поборены нами, хотя не безъ горестныхъ потерь; такъ, на 5-мъ году нашихъ странствованій, лучшей товарищъ нашъ, секретарь

Англійской Коммисіи, Вудъ, погибъ жертвою убійственнаго климата! молодой, сильный, смѣлый, одаренный превосходными способностями и качествами,—онъ похороненъ нами въ глуши Лурнстанскихъ тучицъ!

3-го іюля. Бале (въ Курдистанѣ).

Много воды утекло, много пройдено нами вереть съ тѣхъ поръ, какъ начало это писемъ! Я ждалъ только случая на Тавризѣ, для его отправленія,—и незамѣтно подошелъ почти на высоту этого послѣдняго города. Три мѣсяца тому назадъ мы кочевали въ Сузѣ,—и какое уже пространство насъ отъ нее отделяетъ! Весна съ тѣхъ поръ не покидаетъ насъ, потому что мы распространись дорогою, и на вѣки, съ низовьями, умирающими теперь отъ жаровъ и самума. Мы же поднимаемся все къ северу, по высотамъ Курдистана, посреди зелени, цвѣтущей, холодныхъ водъ и прохлады. Лучше поздно, чѣмъ никогда,—и потому наконецъ отправляю писемъ мое съ надеждою, что вы ему сдѣлаете благосклонный пріемъ. Но паду-ли къ вамъ послѣ всѣхъ этихъ улисовскихъ походовъ?—Признаюсь, эта сладчайшая мечта моя не покидаетъ,—мечта увидѣть опять, черезъ 20 лѣтъ, мой милый Тифлисъ, пребываніе ваше въ которомъ я узналъ изъ газетъ,—Тифлисъ умытый, одѣтый, обновленный, процвѣтающій! Но времена въ доходятъ до меня слухи о его украшеніяхъ. Въ Парижской иллюстраціи прочелъ я описаніе театра, изукрашеннаго княземъ Гагаринымъ, и любовался его рисун-

народных пьес и легенды, которым служили они рамою. Чтобы связать эти разбросанные отрывки, мы будем следовать хронологическому порядку фактов, к которым они относятся и которые собраны в его сочинении. Разматывая с некоторым вниманием из них, которыми он обязан Мар-Иба-Катинь, нельзя не быть поражену эпическим тоном, который в них господствует и который свидетельствует, что они нечто иное, как воспроизведение тех безличных исторических пьес, о которых говорит древний сирійский писатель и которые собраны были Ассирийскими монархами. Если трудно признать за этими произведениями древность, одинаковую с героями, которых они выводят на сцену и которые, погружаясь в темную глубь истории, являются нам на границе вьков мнелогических, как напр. Белъ и Семирамида, — темъ не менее невозможно не допустить, — судя по некоторым подробностям в портретах и мѣстных описаніях, — что онъ были вѣрными, хотя и отдаленнымъ эхомъ современныхъ преданій.

Первый и самый древній рассказ Мар-Иба-Катинь есть тотъ, который, согласно с преданіями, еще жившими во время Моисея Хоренскаго, представляет намъ Гайку возстающимъ противъ насилія Бела и переселяющимся въ страны сѣверныя, въ Армению, за темъ доблестно борющимся съ царемъ ассирийскимъ и упрочивающимъ свою независимость пораженіемъ и смертію этого царя. Въ этомъ отрывкѣ всякій заметитъ некоторыя оттънки тѣхъ греческихъ идей, которыя внесены были въ текстъ, которыми пользовался сирійскій историкъ и о которыхъ я уже упоминалъ.

«Гайкъ, этотъ полководецъ, замѣчательный своею красою, силою мышцъ, своими кудрями, своимъ огненнымъ взоромъ, Гайкъ — храбрѣйшій, славнѣйшій изъ великановъ, противился всѣмъ, кто подымалъ руку господства надъ великанами и героями. Въ дерзновеніи своемъ онъ предпринялъ сопротивление тиранству Бела въ то время, когда родъ человѣчскій, гонимый стремительными волнами существъ кровожадныхъ, силы и росту необычайныхъ, разсыялся далеко по землѣ. Каждый изъ нихъ, движимый безуміемъ, убивалъ своего товарища и силился присвоить себѣ власть; но счастье помогло Белу сдѣлаться едино-

державнымъ властителемъ. Гайкъ, родивъ сына Арменака въ Вавилонѣ, отказывается повиноваться ему (т. е. Белу) и удаляется, со всеми сыновьями своими, дочерьми, внуками, дружиною изъ 500 храбрыхъ воиновъ, рабами, преданными ему иностранцами и со всѣмъ имуществомъ своимъ, — въ страну Араратскую, на сѣверъ. Здѣсь остановился онъ у подошвы горы, на равнинѣ, гдѣ обитало небольшое число людей, предъ тѣмъ разсыянныхъ. Давъ имъ свои законы, Гайкъ основалъ въ этомъ мѣстѣ городъ и отдалъ его въ удѣлъ Кадмосу, сыну Арменака.

«Белъ, этотъ Титанъ, упрочивъ за собою всемірное владѣтельство, посылаетъ на сѣверъ къ Гайку сыновей своихъ и съ ними нѣсколькихъ вѣрныхъ мужей, и велитъ передать ему слѣдующія слова: «Удались, ты поселился среди стужъ; отогрѣй, смягчи лдяную кору твоего высокомернаго характера, признаю «власть и живи спокойно, гдѣ тебѣ вздумаетъ «ся, на всемъ протяженіи моихъ владѣній.» Но на такое предложеніе Гайкъ отвѣчалъ лишь гордымъ отказомъ, и посланные Бела возвратились въ Вавилонъ.

«Тогда Белъ, собравъ значительныя силы, состоявшія изъ пѣхоты, идетъ на сѣверъ, въ страну Арарата, и достигаетъ жилища Кадмоса. Этотъ обращается въ бѣгство, посылая напредъ гонцевъ къ Гайку. «Знай, говоритъ онъ «Гайку, о, величайшій изъ героев! что Белъ «идетъ на тебя съ своими безсмертными воинами, съ своими великанами — богатырями. «Услышавъ о приближеніи ихъ къ моему жилищу, я бѣжалъ и съ послѣдностію прибылъ «къ тебѣ. Помысли немедленно о мѣрахъ, которыя ты долженъ предпринять!»

«Белъ, въ главѣ своихъ непобѣдимыхъ войскъ, подобно бурному потоку, извергающемуся съ высоты обрыва, поспѣшно приближился къ границамъ владѣній Гайка. Онъ надвигался на силу и мужество своихъ воиновъ; но Гайкъ, этотъ великанъ смѣшленный и благоразумный, кудрявый, быстроглазый, — поспѣшно собираетъ своихъ сыновей и внуковъ, гореть неустрашимыхъ, вооруженныхъ луками воиновъ и подданныхъ своихъ, — стремится на берега озера (?), соленныя воды котораго питали небольшихъ рыбъ, и, возвыся голосъ — «идемъ, говоритъ,

(?) Озеро Ванъ.

«идемъ прямо на рать Бела, достигнемъ мѣста, гдѣ онъ стоитъ, и разобьемъ своими храбрецами. Если мы падемъ, семейства наши перейдутъ подъ его рабство, если, напротивъ, наши мышцы дадутъ намъ перевѣсъ надъ ними, — всѣ эти войска разсыются, и мы «останемся побѣдителями.»

«Вмигъ, передъ обширное пространство, разстилавшееся передъ ними, воины Гайка устремляются на равнину между высокихъ горъ и укрѣпляются на возвышенности, у праваго берега потока. Поднявъ глаза, они увидѣли неприятельскую армію, толпу въ безпорядкѣ, бѣгущую тамъ и сямъ по всему пространству, съ неукротимую быстротою. Между тѣмъ Белъ, спокойный и увѣренный въ превосходствъ своихъ силъ, держался на лѣвой сторонѣ потока, на холмѣ, какъ-бы на обсервационномъ посту. Гайкъ узналъ, посреди отряда тяжело вооруженныхъ воиновъ, своего противника. Онъ шелъ впередъ, сопровождаемый избранными воинами и отдаленный огромнымъ пространствомъ отъ главнаго корпуса своей арміи. На немъ былъ желтзвѣный шлемъ съ длинной гривой, стальная покрывавшая спину и грудь кольчуга, набедренники и налокотники; у лѣваго бедра, на поясъ, висѣлъ обоюдо-острый мечъ. Надежное копьё его было въ правой рукѣ, щитъ — въ лѣвой. Вокругъ него толпились храбрѣйшіе изъ его воиновъ. Гайкъ, увидя этого титана, такъ вооруженнаго и съ такой дружиной, ставитъ Арменака съ двумя его братьями на правой сторонѣ, Кадмоса и двухъ другихъ его сыновей на лѣвой, — всѣхъ искусныхъ въ стрѣлянн изъ лука и битвѣ на мечѣхъ, посрединѣ; самъ же становится въ авангардъ, размѣщаетъ сзади остатки своихъ войскъ треугольникомъ и ведетъ ихъ тихо впередъ.

«Тогда великаны бросаются съ обѣихъ сторонъ; — отъ схватки ихъ страшно гудитъ земля, — и въ ужасныхъ натискахъ они слятся побороть другъ друга. Много ихъ пало подъ остриемъ меча и убито, но успѣхъ борьбы остается не рѣшеннымъ. При видѣ столь неожиданнаго сопротивления, устрешенный, царь обращается въ бѣгство и возвращается на холмъ, откуда сошелъ. Онъ надвигался найти вѣрный оплотъ между своими, пока главный корпусъ войска его приблизится и онъ будетъ въ состояніи дать рѣшительное сраженіе. Понимая этотъ маневръ, Гайкъ, съ лукомъ въ рукѣ выступаетъ противъ него и, натянувъ со-

комъ. Какъ бы пріятно было возвратиться на Русь сплятуя путемъ этого милаго, этого дорогаго мнѣ города! И какъ бы я васъ обнял! но между тѣмъ, позвольте мнѣ сдѣлать это пока заочно. . . .

Надѣмся, что читатели поблагодарятъ насъ за сообщеніе имъ этого письма. Мы читали также отвѣтъ нашего сотрудника на письмо это и, по данному намъ, по нашей просьбѣ, дозволенію, пользуемся здѣсь некоторыя выдержки и изъ этого отвѣта.

. . . . Точно, съ завистью читалъ я похождения ваши, радовался вашему послѣднему порученію, а когда дошелъ до повѣсти о вашихъ трудахъ, страданіяхъ и смертности вокругъ, — вопли вамъ сочувствовалъ. Но въ прошедшемъ — все дурное исчезаетъ, изглаживается и остается въ памяти только одно хорошее; даже воспоминанія о прошлыхъ трудахъ и опасностяхъ имѣютъ свою особенную, непреодолимую прелесть, — и если письмо ваше — ваши летучіе листки полны такого живаго интереса, то сколько же сокровищъ хранится въ вашей памяти! — Я прежде думалъ, что кое-какія странствованія мои по Востоку что нибудь-да значатъ, а теперь вижу, что — противъ видѣннаго и посѣщеннаго вами — онъ просто самыя неважные подвиги. Въ письмѣ вашемъ столько громкихъ именъ самой глубокой древности, что я начинаю смотрѣть на васъ не иначе, какъ съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія и даже съ некотораго ро-

да страхомъ: какъ школьникъ на учителя. — Завидую вамъ, и завидую отъ всей души! Въ вашихъ краткихъ, но рѣзкихъ очерткахъ мѣстностей видишь столько жизни, столько огня, столько живописнаго очерка; что, кажется, сюда слѣдншь за вами невидимкою. Остается искренно желать, чтобы все видѣнное вами въ мѣстахъ, куда не заходилъ еще ни одинъ изъ русскихъ (кроме развѣ Березина и Диттеля, но и то посѣтившихъ только некоторыя изъ тѣхъ мѣстъ), не осталось въ одномъ только вашемъ воспоминаніи, а излилось бы на бумагу въ вашемъ живомъ, увлекательномъ разказѣ, — и мы вполне на это надѣемся. Конечно, въ дневникъ вашемъ сохранились всѣ ваши воспоминанія, и вамъ стоитъ только присѣсть, признаться, привести все въ порядокъ, въ послѣдовательность, — въ доступность для каждаго. Не откладывайте же этого на дальнѣйшее время, дорогой мой снунтикъ по водамъ Нила, по улицамъ Каира! и на первый разъ, пришлите намъ сюда хотя одну главу новаго труда вашего и позвольте украсить имъ листки газеты любезнаго вамъ города.

Вы также пишете, что, можетъ быть, попадете въ Тифлисъ. Не видя васъ до сихъ поръ здѣсь, я уже началъ терять на это надежду, хотя все еще не отчаиваюсь. Но если бы вы сюда заглянули, то не узнали бы теперь вашего, какъ вы говорите, милаго Тифлиса: улучшенія къ намъ идутъ истинно-исполненскими шагами! Утѣжающіе отсюда на годъ и на два, при возвращеніи своемъ обратно, не узнаютъ многихъ мѣстъ этого города; даже послѣ отлучки въ

нѣсколько мѣсяцевъ, вдругъ неожиданно увидишь большой двухъ-этажный домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли лачуги или деревянные заборы; увидишь полотно улицы тамъ, гдѣ былъ оврагъ или канава, которая для этого покрывалась капитальными сводами; черезъ Куру перекидываются новые мосты, площади мостятся, вдоль Головинскаго проспекта устроены превосходнѣйшіе изъ большихъ гладкихъ и широкіе тротуары, — дома растутъ, почти какъ грибы, и нерѣдко воздвигаются такія зданія, которыя съ честію могли бы стать на Невскомъ проспектѣ, а изъ нихъ некоторыя могли бы быть украшеніемъ столицы. — Вообще, видъ города, и внѣшній и внутренній, очевидно и осязательно идетъ все къ лучшему и лучшему самыми быстрыми, неумолимыми шагами. Къ довершенію всего — вы нашли бы здѣсь русскій и грузинскій театр, балетъ и наконецъ италіанскую оперу, и при томъ такую, кака я въ Одессѣ не всегда бываю; съ Константинопольскою, Смирнскою и Александрійскою операми я не сравниваю: онъ противъ нашей не стоить ни гроша. Опера пришла въ весьма по вкусу здѣшней публики: театръ всегда полонъ до послѣдняго мѣста, и молодежь вмѣсто того, чтобы просиживать вечера за зеленымъ сукномъ, какъ было это здѣсь въ ваши, блаженныя памяти, времена, теперь отчаянно аплодируетъ нашимъ пѣвцамъ и закидываетъ ихъ букетами цвѣтовъ, которыхъ въ иныхъ представленія легки на сцену по дюжинѣ и болѣе. . . .

всю силою своей широкой лугъ, пускаетъ трехкрылую стрѣлу въ стальную чешую, прикрывавшую грудь царя. Стрѣла, пронзивъ его насквозь, выходитъ между плечъ и падаетъ на землю. Такъ, пораженный, гордый Титанъ испускаетъ духъ! Войны его, при видѣ этого страшнаго удара доблестнаго Гайка, обращаются въ бѣгство.»

(Продолженіе будетъ.)

Замѣчательныя деревья Закавказья.

Зельква, Унаби и Самшитъ или Бза.

Въ числѣ деревьевъ, произрастающихъ въ Закавказскомъ краѣ, кромѣ ореховаго, заслуживаютъ особеннаго вниманія по красотѣ древесины, крепости и долговѣчности три рода деревьевъ: Зельква, Унаби и Самшитъ или Бза (пальмовое дерево).

Зельквою Имеретинцы называютъ дерево планеру, (*Planera sphenata*) которая растетъ въ долине р. Риона и ленкоранскомъ уездѣ, гдѣ его называютъ Азатомъ. Зельква по наружному виду и величинѣ дерева имѣетъ сходство съ влвомъ и грабомъ, но отличается отъ этихъ деревьевъ гладкою и глянцовитою корою, листьями, цвѣтами, съѣменами и превосходнымъ качествомъ своей древесины. Дома Имеретинъ, выстроенныя на скорую руку изъ досокъ зелькви, удивительно прочны; строения неощекатуренныя и простоявшія болѣе 50 лѣтъ кажутся, какъ новыя и недавно выстроенныя. Древесина зелькви красива, не коробится, не подвержена червоточію, крѣпка и почти не гниетъ, даже въ водѣ, по употребленію туземцевъ. Имеретинскіе цари, страстно любившіе звѣриную охоту, строго запрещали жителямъ истреблять лѣса особенно въ дачахъ, принадлежащихъ царскому дому; по этой причинѣ планера долго сохранилась въ естественномъ образѣ размножилась въ лѣсахъ имеретинскихъ; но съ 1804 года, когда владѣтель Имеретинъ царь Соломонъ принялъ подданство Россіи и до 1811 года, или до перваго Русскаго положенія объ управленіи Имеретіею, въ этотъ періодъ времени, жители, воспользовавшись ослабленіемъ мѣстной власти, безнаказанно и нерасчетливо, истребляли лѣса и особенно зелькву, какъ отличный строительный матеріалъ. Въ настоящее время въ кутаисской губерніи, въ казенныхъ лѣсахъ, бывшихъ царскихъ—Янсетскомъ и Аджеметскомъ, не много осталось планеры, въ частныхъ же лѣсахъ и въ особенности въ дачѣ г-жи Гамбы, сохранились довольно большія рощи этого дорогаго дерева. Планера растетъ медленно, но скорѣе дуба, она размножается съѣменами и легко можетъ быть привита на вязъ; отъ прививки зельква растетъ скорѣе. Почву планера любятъ глинистыя черноземы, смѣшанный съ мелкимъ щебнемъ; на ровномъ и въскопкѣ тѣнистомъ мѣстѣ дерево это рѣдко растетъ чѣмъ на покатоствѣхъ горъ. Планера произрастающая въ лѣсахъ ленкоранскаго уезда, гдѣ вѣтъ крѣпкія древесныя породы дубъ, орехъ и другія деревья непрочны и также подвержены разрушительному дѣйствію климата, тамъ планера коробится и подвергается червоточію, но считается самымъ крѣпкимъ и долговѣчнымъ деревомъ, которое тамъ растетъ скорѣе чѣмъ въ Имеретіи. Князь Намѣстникъ, прилагая особенное попеченіе о сохраненіи лѣсовъ, въ 1849 году запретилъ вырубку планеры въ казенныхъ лѣсахъ кутаисской губерніи и приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы ежегодно осенью собирались съѣмена этого дерева для посѣва въ тѣхъ мѣстахъ Закавказскаго края, гдѣ планера съ успѣхомъ можетъ произрастать; особенное дерево это на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей могло бы современемъ послужить драгоценнымъ кораблестроительнымъ матеріаломъ.

Унаби (*Zizyphus* или *Rhamnus zizyphus*); дерево это, вышиною отъ 15 до 25 футовъ, произрастаетъ въ грузинскихъ садахъ и считается въ числѣ фруктовыхъ деревьевъ; плоды Унаби или грудныя ягоды (*jujubes*) созрѣваютъ осенью, имѣютъ видъ фицика или крупнѣе оливки съ красножелтою кожицею, на вкусъ онѣ довольно пріятны, употребляются туземцами въ полужрѣломъ видѣ, для маринадовъ, съилья какъ лакомство, а сваренныя въ молокѣ отъ грудной боли. Дерево это размножается посѣвомъ ягодныхъ косточекъ и раздѣленіемъ корней, на почву неприхотливо, легко выноситъ засуху, но для созрѣнія плодовъ нуждается въ грузинскомъ знойномъ солнцѣ. Растетъ оно очень медленно, за то древесина унаби чрезвычайно плотная, красная и красивая, крѣпкая какъ желѣзо и необыкновенно тяжеловѣсная; дерево унаби съ большою пользою употребляется на небольшія подьки, требующія особенной твердости и прочности матеріала, особенно могло бы быть оно пригоднымъ на корабельные блоки.

Самшитъ (*Vixus sempervirens, arborescens*) по грузински *бза* произрастаетъ сплошнымъ лѣсомъ на берегу Чернаго моря между Поты и Николаевскимъ укрѣпленіемъ, на берегу Каспійскаго моря близъ Астары и въ другихъ мѣстахъ, но встрѣчается чаще въ лѣсу между другими растеніями; дерево это по красотѣ своей превосходитъ зелькву и унаби, оно всегда зеленое, листья походятъ на миртовые, но ихъ не ѣтъ ни одно животное, а для голодныхъ верблюдовъ онѣ смертельны. Самшитъ вырастаетъ Закавказьемъ до 50 футовъ, но толще 1 1/2 фута въ діаметръ не бываетъ; размножается съѣменами и отводками; песчаный черноземъ лучшая почва для самшита, а тѣнистое, теплое и сырое мѣсто ускорять медленней его ростъ; каковыя гдѣ растетъ по близости это дерево сплошными группами, признается не здоровымъ для людей. Древесина самшита крѣпка какъ кость, не гниетъ, не трескается; не подвержена червоточію, тяжеловѣснее всѣхъ древесныхъ породъ въ Европѣ и имѣетъ блестящую желтую поверхность. Дерево это годно для экипажныхъ осей, для корабельныхъ блоковъ и для токарныхъ издѣлій. Самшитъ въ торговлѣ извѣстенъ подъ славнымъ именемъ *Пальмоваго дерева*. Его вывозится ежегодно изъ Закавказья до 130,000 пудовъ.

Х. Колодѣевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Переводъ письма къ его высокопревосходительству, господину генерал-аншефу и кавалеру Ивану Васильевичу Гудовичу отъ Бакинскаго Гусейнъ-Кули-Хана. (.)

Щастливѣйшій и великолѣпнѣйшій и высокопревосходнѣйшій предводитель и Главной Командиръ войскъ, славнѣйшій и знаменнѣйшій мой братъ Иванъ Гудовичъ, да существуетъ всегда слава и щастіе ваше.

(.) Извлечено изъ дѣлъ Ставропол. Губерн. архива; при печатаніи соблюдено правописаніе подлинника.

Желая, чтобы всемогущій Богъ сохранилъ здравіе ваше отъ всякаго вреда и возвелъ бы васъ на высочайшую степенъ щастія и высокаго достоинства, и изъявляя прістойное значеніе вашей мое всеусердное высокопочтательное, имею честь уведомить васъ моего высокопочтательнаго брата о томъ, что въ сіе благословенное время получилъ я отъ васъ пріятнѣйшее писаніе искреннѣйшею дружбою и истинною любовію наполненное, коимъ вы меня удостоили по поводу того знакомства, которое ваше высокопревосходительство съ моимъ покойнымъ дядею имѣть изволили, и въ содержаніи котораго къ душевному обрадованію моему нахожу я совершенныя знаки вашей ко мнѣ благосклонности, возделанный для меня даръ составляющій, между прочимъ требовать изволите, чтобы ярминъ Макара Минаса Киркора и Богаса Бедросовыхъ детей никто не притеснялъ и чтобы они могли какъ въ Бакъ такъ и въ другихъ мѣстахъ свободно и безпрепятственно исправлять свои дѣла. На сіе въ отвѣтъ почтеннѣйше изъявляюся, что изъ самыхъ давнѣйшихъ временъ оказывается здѣсь всемогущимъ и подданнѣмъ Россійскимъ отъ всѣхъ вообще благосклонность и вынѣ находится ихъ немало въ Бакъ, коимъ всемогущимъ и каждому оказываемъ мы всевозможное снисхожденіе и благосклонность и они пребывая тутъ пользуются совершеннымъ спокойствіемъ и полною безопасностію, и кромѣ дружественной къ нимъ ласковости во всѣхъ ихъ случаяхъ ничего противнаго имъ здѣсь не случилось, паче же нынѣ когда ваше высокопревосходительство высокопочтѣннѣйшій нашъ братъ требовать того изволите, то всеохотно уважая желаніе ваше выше и выше усугублено будетъ наше къ нимъ благопрізереніе. Бедросовыхъ дѣтей немного, если вашему высокопревосходительству угодно будетъ потребовать и для другихъ тогоже, то во уваженіе высокой особы вашей все исполнено будетъ. Я искреннѣйшій вашъ пріятель такового преданности и ревностию къ Ея Императорскому Величеству Всепресветлѣйшей и Всемилостивѣйшей Монархини не степенерянаго времени привержень, но современъ предковъ моихъ отъ дѣда отца и дяди моего наследственно пребываю въ таковой вѣрности, наипаче покойной мой дядя Мугаммедъ Кулиханъ какъ ваше высокопревосходительство сами извѣстны колько былъ вѣренъ и усерденъ и до такой степени простиралось его съ вами дружество, доколе чреда досталась мнѣ искренному вашему пріятелю оказывать прістойныя состоянію нашему услуги, кои всегда безъ отложно исполнять не премину.

Гусейнъ-Кули-Ханъ.

ПРИЪХАЛИ: Генваря 21-го: съ рѣчки Храмъ Капитанъ Князь Мухранскій. 22-го: изъ крѣп. Анапы Лекаръ Титулярный Советникъ Меньшевичъ.

ВЫЪХАЛИ: Генваря 21-го: въ Ставрополь Полковникъ Ивановъ. 22-го: въ С. Петербургъ Надворный Советникъ Юркевичъ.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ воскресенье 25-го Января.
1. Наемная квартира въ Кукахъ. 2. Завтракъ у предводителя. 3. Медвѣдь и Паша. 4. Пери.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и числа по старшинству.	Часы.	Термометръ Р°.			Сырость воздуха	Барометръ при 15 1/2 Р° Русск. полуш..	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.	Нам.					Наиб.	
20-го Января	7 утра.	- 1,6	- 2,0	0,90	573,55	В. оч. сл.	Пасмур. м. снѣг.	- 2,0	+ 2,1	
	1 попол.	+ 0,3	+ 0,1	0,85	573,94	В. слаб.	Об. мѣст.			
	9 вечер.	+ 0,4	- 0,4	0,85	577,08	Тихо.	Облачно.			
21-го Января	7 утра.	- 0,7	- 1,2	0,90	577,59	ЮВ. оч. сл.	Облачно.	- 1,1	+ 2,2	
	1 попол.	+ 2,2	+ 1,2	0,80	577,21	— — —	— — —			
	9 вечер.	+ 0,0	- 0,6	0,88	577,59	ЮВ. слаб.	Пасмурно.			
22-го Января	7 утра.	- 1,2	- 1,4	0,96	575,71	ЮВ. оч. сл.	Пасмурно.	- 1,5	+ 1,5	
	1 попол.	+ 1,0	- 0,2	0,73	575,69	ЮВ. слаб.	Облачно.			
	9 вечер.	- 1,5	- 1,7	0,91	571,83	— — —	Об. тонкля.			

Прим.: 20 января съ 8 ч. 46 м. до 9 ч. 56 м. утра шелъ мелкій снѣгъ, съ 10 ч. 41 м. до 11 ч. 26 м. утра шелъ мелкій снѣгъ 22 числа съ 7 ч. 15 м. до 11 ч. 50 м. шелъ мелкій снѣгъ. Количество выпавшей снѣговой воды 0,002 русск. дюймовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.